

УДК 937.02

*Т.П. Евсеенко***СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ДРЕВНЕГО РИМА**

Рассматривается проблема возникновения общественно-политических движений и политических партий в древнем Риме. Устанавливается факт существования количественных границ любого самоуправления местных сообществ. Отсюда, делается вывод о неизбежности профессионализации управления и постепенного возникновения разрыва между управляющими и управляемыми. Угроза превращения управленческих элементов общества в замкнутую корпорацию со своими собственными интересами требует от господствующего класса установления его социального контроля над государственным механизмом в целом и особенно над его собственно управленческими структурами. Показывается, что контроль этот всё более опосредуется целой системой управленческих органов, обыкновенно выступающих в форме бюрократического аппарата. В отсутствии этого аппарата форму социального контроля выполняют иные структуры. В поздней Римской республике эту роль выполняли «политические партии». Определяется влияние этих политических партий на эволюцию формы государственного устройства поздней Римской республики. Подчёркивается важная роль, которую сыграли эти организации в сохранении и развитии Римской державы как единого целого в период упадка и гибели республиканского строя. Выявляются их организационные особенности и отличия от современных политических партий.

Ключевые слова: форма государственного устройства, общественно-политические движения, политические партии, клиента, коллегии, оптиматы, популяры, партийное лидерство.

История римских политических партий уже давно волнует многих исследователей. Опубликован целый ряд научных трудов, в которых рассматриваются различные стороны и аспекты их формирования и деятельности¹. В данной работе предполагается рассмотреть только один из них, а именно, как возникновение и функционирование политических партий повлияли на эволюцию формы государственного устройства позднереспубликанского Рима и какую роль сыграли эти организации в сохранении и развитии Римской державы периода упадка и гибели республики.

Уже введение в Италии префектур означало зарождение нового принципа построения государственного аппарата – по территории, с неизбежным появлением управленческой иерархии. Следствие этого можно было предугадать – неизбежное ослабление связи правящей верхушки с массой граждан, вырождение традиционного самоуправления государства-общины в профессиональное управление, осуществляемое влиятельным меньшинством в своих корыстных интересах. Такое развитие нельзя считать случайным. Дело в том, что любое самоуправление имеет определённые количественные границы. С некоторыми оговорками можно согласиться с мнением об эффективности самоуправления в рамках местных сообществ, не превышающих по численности несколько тысяч человек, то есть таких, в которых возможны непосредственные контакты и общность вполне конкретных индивидуальных интересов. Однако разрастание самоуправляющегося сообщества сверх этих пределов требует иной организации управления общественными делами. Возникает такое явление, как специализация и неизбежно следующая за ней профессионализация управления, которая исключает постоянное вмешательство в него «непосвященных». В результате разрыв между управляющими и управляемыми становится неизбежным. Теоретически этот разрыв может быть преодолен с помощью установления контроля со стороны управляемого большинства за управляющей верхушкой. Иногда для повышения эффективности такого контроля предлагается использовать принцип федерализма. При этом слово «федерализм» используется как оценочное (с безусловно положительным знаком) и эмоционально нагруженное понятие, призванное обозначить некое общественное благо или ценность, не зависящую от социального контекста. Федерализм отождествляется с децентрализацией, последняя, в свою очередь, – с демократическими и представительными началами. «...Распределение полномочий

¹ Например, только на русском языке специально посвящённые этой проблеме исследования: Машкин Н.А. Римские политические партии в конце II – начале I в. до н.э. // ВДИ. 1947. № 3; Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М.: Изд-во АН СССР, 1952; Егоров А.Б. Политические партии в Риме периода гражданских войн II – I вв. до н.э.: дис. ...канд. ист. наук. Л., 1977; Игнатенко А.В. К вопросу о политической борьбе в Риме в последнее десятилетие II в. до н.э. (Factiones и partes в «Югуртинской войне» Саллюстия) // Вестн. Удм. ун-та. 1995. № 2; Зарщиков А.В. Familiares et amici в структуре цезарианской партии // Античность: общество и идеи : сб. ст. Казань, 2001 и др.

между центром и субъектами федерации приближает власть к гражданину, делает ее более зависимой от него... Основные права и свободы человека и гражданина, несомненно, являются высшей ценностью права федеративных государств»².

На самом деле уже большая приближенность к простому обывателю, к примеру областных (региональных) властей по сравнению с центральными (федеральными), в крупном государстве носит абстрактный и чисто умозрительный характер³. Начиная с определённого уровня, государственная машина теряет непосредственную связь с населением и начинает функционировать по своим собственным законам. Разумеется, правящие классы или иные социальные группы сохраняют над ней контроль, однако, по мере усложнения государственного механизма, этот контроль всё более опосредуется целой системой управленческих органов. Органы эти не могут быть полностью укомплектованы только выходцами из правящего класса. И в их среде постепенно складывается особая корпорация профессиональных управленцев – бюрократия, обладающая собственной системой ценностей и собственными интересами. Поэтому классовый контроль осуществляется не только в интересах господствующей социальной группы, но и с учётом корпоративных интересов правящей бюрократии. Избежать такого развития событий можно только в одном случае – если правящий класс монополизует управление делами общества. Но поскольку такая ситуация возможна только в относительно «простых» обществах, то специализация управленческой деятельности неизбежно рождает бюрократический аппарат. Если же бюрократия ещё не успела сформироваться и сложиться в жёсткую пирамидальную структуру, то неизбежными становятся попытки других элементов, сложившихся внутри общества, взять на себя её функции. Политические партии в Риме оказались именно такими элементами.

Складывание партий оказалось процессом длительным и сложным. Первоначально раскол нобилитета и выделение в его составе группы нобилей-аутсайдеров⁴, систематически оттеснявшихся от доступа к важнейшим магистратурам, вынудили эту группу аристократов перенести свою борьбу с конкурентами из сенатских кулуаров в комиции, создав тем самым внесенатскую оппозицию. Массовая база этой последней постепенно вызревала в низах гражданского общества, прежде всего, в лице пауперизованного крестьянства. Именно союз этих двух сил породил так называемое движение популяров – социально-политическую коалицию, которая, по мнению Р.Ю. Виппера, начала складываться вскоре после окончания второй Пунической войны («в виде запоздалого протеста теснимых империализмом классов римского и италийского общества... Общественные группы, разорённые притоком чужих богатств, сходились в ней с другими, отодвинутыми от пользования этими богатствами и добивавшимися расширения своей доли»⁵).

Широта и разнородность состава предопределили известную аморфность движения популяров, в котором отсутствовала четкая структура. На различных этапах своего развития движение включало в себя не только те или иные группы римских граждан, но зачастую и элементы, экономически не связанные с римской общиной, например группировки и даже целые общины италийских «союзников» и даже порой провинциалов, формально вообще не влиявших на римскую политику. Коалиция была, следовательно, значительно шире своей социально-экономической основы, между тем как политические задачи её временами были уже интересов входивших в неё сил. Низкий уровень развития античной экономики и широкая «разбросанность» римских граждан по территории государства затрудняли политическую активизацию большой массы людей, экономическая автаркия способствовала членению всей общественной жизни на мелкие и мельчайшие образования. Говоря словами Г.С. Кнабе, вся общественная действительность тяготела к множественной структуре, причём коллегиальность, сообщество и содружество в Риме стали не столько правовым принципом, сколько социально-психологической потребностью⁶. Вследствие этого активность более или менее широких кругов населения могла наблюдаться в римском обществе только в отдельных случаях, лишь в особой политической ситуации, затрагивавшей непосредственно интересы многих. Чаще же в политической жизни участвовали небольшие группы представителей различных фракций господствующего

² Топорнин Б.Я. Современный российский федерализм: человеческое измерение // Права человека и международные отношения. М., 1994. С. 5-6.

³ Осипов А.Г. Отечественный федерал-романтизм и строительство правового государства // Федерализм. 1996. № 3. С. 125.

⁴ Егоров А.Б. Политические партии в Риме периода гражданских войн II – I вв. до н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977. С. 133.

⁵ Виппер Р.Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин: Госиздат РСФСР, 1923. С. 42.

⁶ Кнабе Г.С. Древний Рим - история и повседневность. М.: Искусство, 1986. С. 138-139.

класса, опиравшиеся на зависимых от них людей. Вожаки популяров не были здесь исключением, и их «друзья» и клиенты играли немаловажную роль, составляя свиту, а при необходимости и личную охрану своего патрона. Однако противники популяров имели гораздо более мощные клиентелы, а, кроме того, зависимые люди не обязательно разделяли взгляды своего патрона, будучи обыкновенно связанными с ним только личными отношениями⁷. Поэтому требовалась более многочисленная и устойчивая социальная опора, и ею стали для популяров квартальные и ремесленные коллегии, превратившиеся в I веке до н.э. в настоящие политические клубы.

Изначально коллегии представляли собой свободные союзы граждан, объединявшихся по принадлежности к одной профессии (ремесленники) или для совместного отправления религиозного культа (возможно, что первоначально это даже были группы родственников). Их существование зафиксировано уже в законах XII таблиц, где *collegia sodalicia* предоставлялось право вырабатывать для себя любые правила и уставы, лишь бы они не противоречили закону⁸. Такая особенность римской общественной жизни, как обязательная принадлежность человека сначала к какому-либо ограниченному микросообществу и лишь через него – ко всему обществу в целом неоднократно отмечалась в литературе⁹. Поэтому вплоть до издания сенатусконсульта 64 г. до н.э. образование коллегий и сообществ рассматривалось как частное дело граждан, не подлежащее ограничениям¹⁰. Коллегии не участвовали в политической жизни и не противопоставляли себя государству.

Политики I столетия до н.э. обратили внимание на эти сообщества тогда, когда понадобилась вооружённая организация для оказания силового давления на комиции. Первым, если верить Аппиану, до этого додумался Апулей Сатурнин, который привёл в комиции вооружённых ветеранов Гая Мария в 100 г. до н.э.¹¹. Но особенно активно их вовлекают в политику после отмены сулланских порядков в 70 г. до н.э. Причиной этой активизации С.Л. Утченко считал изменение социального состава римского городского плебса (прежде всего, за счёт увеличения количества вольноотпущенников в его составе) и кризис традиционной клиентелы¹². Многочисленные «новые граждане», не имея средств, должны были активно поддерживать тех политиков, которые обещали им государственную помощь. Поддержка носила как политический, так и военно-силовой характер. Цицерон многократно отмечал в своих речах существование боевых отрядов, сформированных на базе коллегий из представителей городских низов, которые он именует «войском Клодия»¹³.

Многочисленную поддержку имело движение популяров и за пределами померия. Уже Апулей Сатурнин стремился к установлению постоянных контактов с италийскими муниципиями. Девятью годами позднее Ливий Друз попытался сформировать вокруг себя целый союз италиков, ставивший целью обеспечить для них предоставление прав римского гражданства¹⁴. Р.Ю. Виппер даже утверждал, что этот трибун «превратился в главного доверенного союзников в Риме, наделённого определёнными полномочиями, в силу которых он мог вытребовать вооружённую помощь из областей Италии»¹⁵. Однако нельзя забывать, что и противники популяров обладали значительным влиянием в отдельных областях полуострова, например в Этрурии¹⁶.

Главной же проблемой движения популяров была его аморфность, связанная с отсутствием конкретной программы (её заменяла совокупность никак не стыковавшихся между собой политических лозунгов, более или менее адекватно отражавших взгляды тех или иных слоёв римского общества). Отсюда – неопределённость в руководстве. Не говоря уже о довольно сложных отношениях между отдельными лидерами движения¹⁷, нередко в качестве таковых выступали люди случайные,

⁷ Hellegouarék J. Le vocabulaire latin des relations et des parties politiques sous la république. Paris, 1963. P. 23.

⁸ Dig. XLVII, 22, 4.

⁹ См., напр.: Cizek E. Neron. Paris: Fayard, 1982. P. 173-256. Ссылка даётся на французское издание книги, поскольку русский перевод выполнен очень некачественно.

¹⁰ Противоположное мнение, высказанное А. Альфёльди, недостаточно обосновано. Данные, которые он приводит, относятся как раз к I в. до н.э. См.: Alföldy A. Studien zu Caesare Monarchie und ihren Wurzeln. Bonn: Habelt, 1985. S. 85.

¹¹ App. Bell. Civ. I, 29-30.

¹² Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М.: Мысль, 1976. С. 111.

¹³ Cic. Phil. I, 10, 26; V, 4, 9.

¹⁴ Diod. XXXVII, 11

¹⁵ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. С. 92-93.

¹⁶ App. Bell. Civ. I, 29-30.

¹⁷ См. напр.: о взаимоотношениях Публия Клодия и Гая Юлия Цезаря статью Утченко С. Л. Консулат Цезаря – трибунат Клодия // ВДИ. 1961. № 3. С. 46-49.

склонные к соглашению с политическими противниками (подобные Гнею Помпею Великому). В силу всех этих причин движение популяров никогда не могло стать твёрдой опорой политического деятеля или политической группы. Трагическая судьба братьев Гракхов является наиболее убедительным доказательством этого.

Противостоявшее популярам движение оптиматов обладало примерно такими же недостатками. Правда, внешне оба движения сильно различались между собой. Оптиматы, обладавшие государственной властью, традиционно объединялись вокруг сената. Ядро этого движения составлял сам правящий нобилитет, опиравшийся на свои колоссальные клиентские свиты, а также на огромные богатства, награбленные, прежде всего, в провинциях¹⁸. Конечно, клиентела как форма организации сторонников имела весьма значительные недостатки. Личные связи не могли заменить политической солидарности. Поэтому правящий нобилитет принял меры по усилению политической направленности клиентских связей¹⁹. Развитию политической клиентелы способствовало государство, практиковавшее распределение отдельных провинциальных общин по клиентелам наиболее знатных римских семей²⁰. Таким путём государство стремилось решить проблему борьбы с лихоимством и беззакониями провинциальной администрации. Эффективность данной меры оказалась низкой, зато существование провинциальной клиентелы резко усилило политические позиции членов правящего нобилитета, например, «особые отношения», установившиеся между семьями Сципионов и нумидийского царя Масиниссы или Тита Фламинина с греческими городами, позволили указанным аристократическим родам вести, по сути, самостоятельную «личную» внешнюю политику²¹.

Огромную роль играла и италийская клиентела знатнейших нобилей. Так, например, когда в 134 г. до н.э. противники Сципиона Эмилиана попытались подорвать его авторитет, сорвав набор в армию, отправлявшуюся под его командованием под Нуманцию, полководец обратился к своим «друзьям» и клиентам из числа италийских союзников. Их помощь позволила ему добиться успеха, посрамив вражеские козни. Он столь высоко ценил их услуги, что решился выступить в защиту их интересов против популярнейшего среди римского плебса Тиберия Гракха, рискнув своей собственной популярностью²². Позднее клиентские связи позволили отдельным аристократам не только удержать целые области Италии в стороне от антиримского движения в годы Союзнической войны, но и сформировать крупные армии из своих клиентов, как это сделал в Пицене консул 90 г. до н.э. Помпей Страбон²³.

И всё же политическая клиентела не могла обеспечить оптиматам надёжную массовую поддержку, прежде всего в самом Риме. Поэтому они находят её с помощью тех же факторов, которые вызвали активизацию коллегияльных объединений. Прогрессирующая «люмпенизация» населения столицы сделала комиции податливыми не только демагогии, но и подкупу. «Покупка голосов» стала настолько обычным явлением в политической жизни, что даже Цицерон, осуждавший нарушения законов, открыто оправдывал «подарки маленьким людям», понимая, что они представляют собой одну из форм их подкупа²⁴. Оптиматы, традиционно располагавшие большими средствами, имели в этом деле большие возможности, чем их противники. Не случайно им удалось противопоставить боевикам Клодия дружины Тита Милона, отличавшиеся иной политической ориентацией, но не социальным составом от «войска Клодия»²⁵.

Подобно популярам оптиматы также не имели ни чёткой программы, ни общепризнанных лидеров (Исключением, возможно, является лишь Марк Порций Катон Младший, отличавшийся полным отсутствием политической гибкости и реализма.) Отсюда появление многочисленного слоя так называемых новых оптиматов, которых привлекал сенат как идеальная форма правительства, но отталкивал старый нобилитет своим упрямством и догматизмом²⁶. Эти люди постоянно колебались, выражая готовность при определённых условиях поддерживать даже малосимпатичных им популяров²⁷. Наиболее последовательный выразитель взглядов этой группы Марк Туллий Цицерон вообще

¹⁸ Cic. Pro Sest. 48, 103.

¹⁹ Meier Chr. Respublica amissa. Wiesbaden: Steiner, 1966. S. 13, 21.

²⁰ Егоров А. Б. Рим на грани эпох: Проблемы рождения и формирования принципата. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. С. 31.

²¹ Plut. Aemil. XXXIX; Flam. XVI-XVII.

²² App. Bell. Civ. I, 19.

²³ Badian E. Foreign clientelae (264-70 B. C.). Oxford: Clarendon Press, 1958. P. 228-229.

²⁴ App. Bell. Civ. I, 100.

²⁵ Cic. Pro Sest. 41. 88.

²⁶ Шталь И. В. Поэзия Гая Валерия Катутла. М.: Наука, 1977. С. 12-38.

²⁷ Sall. Cat. XVII, 4; XXI, 2.

доказывал, что так называемые истинные популяры не являются противоположностью оптиматам, и выдвигал программу «согласия сословий», которую можно перевести как «согласие всех порядочных людей в защиту республики» – идеал красивый, но утопичный в тех условиях²⁸.

Рост влияния новых социальных слоёв, проявлявшийся в обоих социально-политических движениях, обострял внутренние противоречия в каждом из них. Между тем успех в политической борьбе зависел, прежде всего, от степени организационного сплочения общественных сил, которые вовлечены в неё. Наибольшего успеха в этом могла добиться та группировка, которая смогла овладеть государственной властью. Авторитет государства, а также находившиеся в его руках средства позволяли правящей группировке широко пропагандировать в обществе свои взгляды, препятствуя именем авторитета римского народа активности своих оппонентов. Поэтому завоевание государственной власти стало не только целью, но и важнейшим средством наиболее эффективного функционирования социально-политической коалиции. Это справедливо как для оптиматов, так и для популяров. Но для достижения данной цели необходимо было создание в рамках коалиций новых структур, отличавшихся большей мобильностью и организованностью. Именно такими структурами являлись собственно политические партии, организации нового типа, которые постепенно складываются на основе прежних социально-политических движений оптиматов и популяров.

Политические партии для античности были новой формой организации политических сил, не имевшей аналогов в полисном прошлом. В современной науке политические партии определяются в качестве «общностей людей, объединённых идеологически и организационно, имеющих целью завоевать и использовать государственную власть для реализации интересов определённых социальных групп»²⁹. От прежних движений оптиматов и популяров они отличались наличием коллективного руководящего центра, сформированного не на клановой основе, а по принципу политического единства. Люди, входившие в такой центр, не всегда отличались знатностью или богатством. Зачастую обладая весьма скромным происхождением, подобно Меценату, они даже после утверждения их группировки у власти не получали высших магистратур³⁰. Однако их влияние на политическую жизнь было весьма значительно. Образуя политический «штаб» при своём лидере, эти люди могли сохранять действенность своего влияния даже тогда, когда лидер вообще сходил с политической сцены³¹. Умело приспособив традиционные лозунги к потребностям момента, они разрабатывали тактику и своеобразную «программу-минимум» своей партии. Другой важной отличительной чертой этих организаций стало существование в них, помимо вертикальных связей типа «патрон – клиент», связей горизонтальных, где функции «низовых» партийно-политических объединений выполняли всевозможные местные сообщества типа кружков, коллегий, религиозных сообществ и даже целых муниципальных и городских общин³². Конечно, единообразной сети низовых ячеек древнеримские политические партии не создали, но на деле и в наше время существование подобной структуры для политической партии не является обязательным.

Такие партии были способны быстро мобилизовать значительные массы людей на достижение целей, поставленных руководством, тем паче, что сам полисный образ жизни воспитывал в людях привычку к коллективному действию, восприятию корпоративных интересов как своих собственных. Однако полисная община аристократического типа, издавна сложившаяся в Риме, формировала и иные, специфические качества своих граждан. Масса граждан здесь скорее поддерживала инициативу лидеров, чем проявляла свою собственную. Специфический характер римской «конституции» проявлялся в особой роли магистратов общины квиритов. Магистратура здесь означала наделение соответствующего должностного лица империем, который являлся ничем иным, как видоизменённой царской властью³³.

²⁸ Cic. Leg. Agr. I, 23; II, 6; VII; IX; XV.

²⁹ Основы теории политической системы / Ю. А. Тихомиров, В. Е. Чиркин. М.: Наука, 1985. С. 58.

³⁰ См.: Парфёнов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 12.

³¹ О существовании такого «штаба» см.: Christ K. Romische Geschichte und Wissenschaftsgeschichte. Darmstadt, 1982. Bd. 1. S. 255; Alföldi A. Octavians Aufsteig zur Macht // Antike und Abenland. 1975. Bd. 21. H. 1. S. 5.

³² Р. Сайм, характеризуя состав цезарианской партии, обращает внимание на необычайную разнородность её состава, которая вряд ли могла стать результатом традиционных дружбы, родства или клиентских связей, на основе которых формировались традиционные «личные партии» римских аристократов. См.: Syme R. Roman revolution. Oxford, 1939. P. 63-76. Возможно, эта социальная разнородность также являлась признаком, отличавшим «партии нового типа» от предшествующих политических движений.

³³ Подробнее о таком влиянии общинной организации на своих членов см.: Мирский Г. И. Роль армии в социальном развитии стран Азии и Африки // Вопросы философии. 1973. № 3. С. 101.

Ограничиваться она могла только властью аналогичного характера. Отсюда в Риме демократические институты должны были строиться главным образом на разделении магистратских полномочий, а не на расширении инициативы рядовых участников народного собрания. Последние в результате привыкли всегда полагаться на инициативу «старших» (не важно, шла ли речь о главе фамилии или о полисном магистрате). Отсюда такая черта политической партии в древнем Риме, как обязательная ориентация на конкретного лидера, отличившегося на политическом и военном поприще. Не случайно они дошли до нас под названиями, связанными с конкретными деятелями, будь то партии марианцев, сулланцев или цезарианцев. При этом партийному лидеру обеспечивалась значительная степень самостоятельности, определённая автономия от основной массы его сторонников³⁴.

Отсюда, вероятно, проистекает такая особенность римских партий, что в качестве «политически активных низов» там выступает не сама масса сторонников каких-либо политических идеалов, но влиятельные «местные руководители», типа старост коллегий, магистратов муниципиев, просто крупных землевладельцев, обладающих многочисленной клиентелой. Это партия «вождистского», лидерского типа. Лидер ведёт за собой большее или меньшее количество людей, лично связанных с ним по различным причинам (зачастую вовсе не связанным с общностью политических взглядов и предпочтений). Взгляды этих людей сами по себе вряд ли вообще кого-нибудь интересовали, при условии, разумеется, их постоянной лояльности лидеру³⁵. Привлечение подобных «малых лидеров» на свою сторону, а в дальнейшем удержание их в числе своих сторонников становилось для политических лидеров трудным делом, требующим значительных ресурсов. А такие ресурсы можно было найти только за пределами полисной гражданской общины.

Поступила в редакцию 11.10.13

T.P. Evseenko

SPECIFICITY OF POLITICAL PARTIES OF ANCIENT ROME

The article considers the problem of emergence of political movements and political parties in ancient Rome. The fact that there exist quantitative borders of any local self-government is established. From this, it is concluded that the professionalization of government and gradual appearance of a break-off between a governor and those governed become inevitable. The threat of transformation of administrative elements of a society in a closed corporation with its own interests requires from a ruling class the establishment of its social control over a machinery of government as a whole, and especially over its administrative bodies. It is shown that this control becomes increasingly indirect by emergence of the whole system of administrative bodies which usually take the form of bureaucracy. In the absence of these bodies, social control is carried out by other structures. In late Roman republic this role was played by "political parties". The article describes the influence of these political parties on the evolution of the state system in the late Roman republic. The important role of these organizations in preserving and developing the Roman Empire as a single whole in the period of decline and destruction of the republican system is emphasized. The article also reveals the organizational features of above political parties and distinctions between them and modern political parties.

Keywords: the state system form, political movements, political parties, clientēla, boards, optimatis, popularis, party leadership.

Евсеенко Тимур Петрович,
доктор юридических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: timur.evseenko@yandex.ru

Evseenko T.P.,
Doctor of Law, Professor
Udmurt State University
462034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/4
E-mail: timur.evseenko@yandex.ru

³⁴ Машкин Н.А. Римские политические партии в конце II – начале I в. до н.э. // ВДИ.1947.№ 3. С. 137.

³⁵ Разумеется, подобные лидерские партии в какой-то степени напоминают современные племенные и клановые партии в странах Азии и Африки, но не идентичны им. Ещё более отличаются они от организаций «фюрерского» типа, подобных германской НСДАП или итальянской фашистской партии 20 – 30-х гг. XX столетия (прежде всего отсутствием тоталитарной идеологии).